

Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия 1, Введение Обзор

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 1, Введение Обзор.

Добро пожаловать, я Роберт Петерсон. После 35 лет преподавания систематического богословия в двух евангельских семинариях, я вышел на пенсию пять лет назад и все еще активен, работая неполный рабочий день, пишу и редактирую. Добро пожаловать на наш курс по христологии, и давайте помолимся еще до того, как мы начнем.

Милостивый Отец, спасибо за твое слово, за то, что ты открылся нам. Спасибо, что твое слово сосредоточено на твоём сыне. Расскажи нам о нём, мы молимся, и мы молимся во имя его святого. Аминь.

Обзор нашего курса. Мы начнем с введения, определения некоторых терминов, разговора о концепции тайны, из которых личность Христа является одной из двух больших в Писании, а затем некоторых сильных и слабых сторон систематического богословия. Затем, прослеживая корни нашего понимания учения Христа в ранней церкви, мы будем работать с патристической христологией в течение ряда лекций, достигая кульминации в великом заявлении в Никее, Никейском соборе 325 года, который недвусмысленно подтвердил божественность Христа, а затем великом христологическом соборе Халкидона 451 года, который был результатом кропотливого понимания церковью единой личности Христа, который в своем воплощении и навсегда имеет две природы.

И затем, в будущих лекциях, современная христология будет прослежена от Просвещения 18 века до нашего времени, и какой другой подход был тогда взят в ранней церкви, как мы увидим. И затем, наконец, систематическое богословие, построенное на историческом фоне, и здесь мы сосредоточимся на четырех великих отрывках, и я хотел объединить их с важнейшими доктринами личности Христа. Итак, Иоанн 1 и Воплощение, Евреям 1 и Божественность нашего Господа, Колоссянам 1 и Его человечность также могли бы быть источником изучения Его Божественности; оно содержит и то, и другое, конечно.

Мы изучим единство Христа, но затем четвертый великий отрывок — Филиппийцам 2, и это *textus classicus*, классический текст двух состояний Христа,

состояния унижения и состояния возвышения. Введение: Прежде всего, позвольте мне хотя бы определить некоторые систематические термины, которые мы будем использовать в будущих лекциях. Предсуществование означает, что хотя человечность Иисуса началась во чреве Марии в Вифлееме, он, как второе лицо Троицы, существовал всю вечность.

Он существовал до своего человеческого существования как Бог Сын. Воплощение — это слово, которое мы используем, чтобы сказать о том факте, что вечный, всемогущий Бог стал человеком в Иисусе из Назарета. Это великое чудо, и Бог использовал средства непорочного зачатия, традиционно называемого непорочным рождением.

Технически, рождение нашего Господа было нормальным. Зачатие было сверхъестественным, и это то, что мы называем непорочным рождением; мы на самом деле имеем в виду непорочное зачатие, что Святой Дух заставил Иисуса быть зачатым в утробе его матери Марии. В результате Воплощения мы рассмотрим категории божественности Христа, что он полностью Бог, отличный от Отца и Святого Духа, но равный им, и в результате Воплощения он теперь полностью человек.

Его человечность, которую мы будем изучать, является пренебрегаемым аспектом. Мы справедливо защищаем его божественность от либеральных и культовых отрицаний. Мы ошибочно преуменьшаем его человечность, как будто подчеркивая, что это каким-то образом посягает на его божественность.

Это не так. Оба необходимы для его личности, и, как мы увидим, оба необходимы для его спасительного дела. Единство личности лучше всего понять в свете исторического фона, который мы рассмотрим, начиная с сегодняшнего дня, если позволит Господь.

Он — одна личность, вечно искреннее Воплощение с двумя натурами навсегда. Доктрина двух состояний — это понимание после Реформации; хотя Реформаторы не использовали этот язык, они понимали концепции Иисуса. Чем Иисус на небесах теперь отличается от Иисуса на земле? Ответ не в том, что он больше не человек; это распространенное недоразумение или заблуждение. Ответ находится в учении о двух состояниях.

Его состояние унижения - это все от его зачатия до его погребения. Какой печальный мир для Сына Божьего, чтобы быть погребенным. Подумайте об этом.

Это просто ужасное обвинение нашего греха, что его нужно было похоронить, чтобы спасти нас в любом случае. Его состояние возвышения - это все от его

воскрешения до его второго пришествия. Он один и тот же человек, но его жизнь проживается совершенно по-разному в этих двух состояниях.

Продолжая наше введение после определения этих основных теологических терминов, я хочу поговорить о концепции тайны, поскольку христианская вера имеет две великие тайны. Одна из них — это учение о Троице, а другая — учение о двух природах в лице Христа. Я определяю тайну как божественно явленный парадокс, антиномию, тайну, которую мы можем понять отчасти, но которая затем выходит за рамки человеческого разума.

Ключевым моментом здесь является то, что это божественно открыто. Библия ясно учит, что в обоих Заветах есть один Бог. В Воплощении мы в конечном итоге узнаем после его воскресения, что Сын также является Богом, а Пятидесятница показывает нам, что Святой Дух также является Богом. Таким образом, есть один Бог, который вечно существует в трех лицах.

Три лица неразделимы, и все же их следует различать. Более того, они равны в славе, силе и божественности. И еще одно библейское разветвление заключается в том, что три лица взаимно пребывают друг в друге.

Как Бог может быть тремя в одном в одно и то же время, частично отвечает обращение к философским и теологическим категориям. Троичность и единство не находятся в одном и том же отношении; это нормально, это правда, и все же, в конце дня, мы не можем полностью постичь это. И все же мы сталкиваемся с этим, и в конечном итоге либо отрицаем это, либо в тритеизме, с одной стороны, множественные боги, что абсурдно, или путаем лица, или отрицаем божественность Сына или личность Святого Духа, это так же плохо с другой стороны.

Итак, вот божественно явленная тайна. Бог — три в одном. Если использовать термин Тертуллиана, то он закрепился.

Он trinitas, троица, три в одном. Другая большая тайна, открытая Богом, заключается в том, что Сын Божий после своего воплощения является одним лицом в двух природах. Младенец в яслях — это Бог.

Младенец в утробе Марии — Бог. Как мы можем это постичь? Только отчасти. Мы увидим эту часть работы церкви в ее истории и борьбе с истинами Писания, особенно против заблуждений.

Мы собираемся сказать через минуту, что большая часть христологии как тринитарная теология является теологией споров, выкованной среди споров, атак и борьбы православных за понимание учения Бога в свете ереси. Но в конечном итоге таинственно, что этот человек является и Богом, и человеком

одновременно. Что он знает все вещи, как в конце концов признают его ученики.

Теперь мы знаем, что вы знаете все и не имеете нужды, чтобы кто учил вас, говорят они в беседах в горнице. Но сам Иисус сказал, что никто не знает часа его возвращения, даже Сын. Просто чтобы прояснить это очень быстро, он сказал это в состоянии унижения, находясь на земле.

И мы поспорим позже. Он обладает всеми своими божественными силами в полном объеме. Он не теряет ни одной из них.

Это называется теология кенозиса или кенотическая теология. У него они есть в полном объеме. Он не отказывается от них.

Но то, что он уступает, снова и снова, это независимое использование их. Он отказывается использовать свои силы вне воли Отца. Он не будет этого делать.

Итак, имел ли он способность знать все? Да. Использовал ли он это иногда в своем земном служении? Да. Всегда? Нет.

Знает ли он теперь время своего возвращения в состоянии экзальтации? Конечно, знает. Так что один и тот же человек и всеведущ, и невежественен. Мы не можем полностью постичь.

Или он всемогущ, и когда они приходят, чтобы арестовать его, он говорит: "Я есть" и сбивает с ног тех, кто идет за ним. И все же он умирает в слабости на кресте. И все же он умирает в силе на кресте, с криком, говорящим, что совершилось дело, которое он пришел совершить.

Две великие тайны христианской веры — это учение о Троице и учение о личности Христа, единой личности с двумя природами. Третья тайна, которую разделяют многие из нас, кто понимает реформированную сотериологию, не так важна, как первые две. Первые две имеют важное значение для христианской веры.

Этот — нет. Но я понимаю, что это не так важно, не так существенно, но это так же таинственно, как Бог абсолютно суверенен в своем творении, искуплении и завершении, и все же люди ответственны перед этим великим Богом в то же время. Я бы обратился к компатибилизму, чтобы попытаться объяснить это, но это время для другого курса.

Таким образом, я лично верю в три тайны, как и реформаторские теологи, но я бы поставил эту тайну между этой динамической взаимодополняемостью между суверенитетом Бога и человеческой свободой как определенно

меньшую тайну и не одну из двух основных тайн церкви. Это Троица и две природы личности Христа. Систематическое богословие — моя дисциплина, и именно о ней в конечном итоге и идет речь в этом курсе.

Она построена на тщательном изучении Библии, отсюда экзегетическая теология. Она построена на изучении библейской истории по мере ее развития, библейская теология. Большая часть содержания первых нескольких дней лекций здесь, первых ранних лекций, будет посвящена исторической теологии, которая пытается понять попытки церкви через успехи и неудачи понять учения Библии вне Библии на протяжении столетий.

Для христологии, безусловно, важно понимать ранние ереси, например, поскольку некоторые из них повторяются сегодня аберрантными группами. Систематическое богословие — наш друг. Оно, как следует из его названия, систематизирует.

Он собирает вещи вместе, чтобы помочь нам понять, и в то же время, у него есть присущие ему слабости. Во-первых, он разделяет то, что Бог собрал вместе. Я прошел формальный курс из 20 часов о работе Христа, и я скажу то же самое, что и тогда.

Затем я сказал, мы изучаем его спасительную работу, но мы предполагаем, что он замечательный человек, потому что они неразделимы в библейском смысле. Теперь мы изучаем личность Христа, или христологию, и я скажу это в другом направлении. Те самые отрывки, те большие четыре, которые я упомянул, три из четырех, явно упоминают его спасительную работу.

Иоанн 1 не делает этого, по крайней мере, 1:1 до 18. Несколькими стихами позже Иоанн Креститель делает это, упоминая о том, что называет Иисуса Агнцем Божиим, который берет на себя грехи мира, апеллируя к жертвенному священническому мотиву смерти Христа в Писании. Но, несомненно, Колоссянам 1 говорит о смерти Христа как о примирении.

Филиппийцам 2 упоминает его смерть в терминах его состояния унижения, и Евреям 1 стих 3, аналогичным образом, вводит большую тему книги Евреям, не расширенную в первой главе, но тему его жертвы, когда говорится, что он совершил очищение. Совершив очищение за грехи, он воссел одесную величия на высоте. Таким образом, систематическое богословие не извиняется за разделение вещей, чтобы мы могли их понять, но нам всегда нужно помнить о том, чтобы собрать воедино то, что мы искусственно и, надеемся, полезно разделили для понимания личности и дела Христа, неразделимы, как мы увидим в тех самых отрывках, которые изображают его личность чудесно, наиболее ясно и мощно.

Даже прежде чем начать историческую теологию, я хочу упомянуть, что для того, чтобы эти концепции укоренились в наших умах с самого начала, теология Церкви противоречива, особенно в некоторых аспектах. Это действительно так, и извините, я теперь нашел свое место. Извините. Я вернусь к этому через минуту, но пока книги.

За эти годы я нашел много полезных книг. Вот некоторые из них, которые я нашел наиболее полезными в последнее время. Клаас Руния, *«Христологические дебаты сегодняшнего дня»*, ясная, не слишком академичная, благотворительная, прямолинейная, написанная солидным европейским евангелистом.

Дэвид Уэллс *«Личность Христа»* — очень полезная книга с его характерным пониманием вопросов, о которых он пишет. *«Личность Христа»* Дональда Маклеода была моим учебником в течение многих лет, когда я преподавал христологию в семинарском контексте. Это часть «Контуров христианского богословия» Джеральда Брея, IVP.

Дональд Маклеод, *Личность Христа*, — замечательная книга. Точно так же, совсем недавно, Роберт Летем написал систематическое богословие, в котором христология очень хорошо проработана, и в отличие от некоторых евангелистов, он рассматривает современную христологию точно и в то же время конструктивно критически. Боб Летем, *Систематическое богословие*.

Совсем недавно вышла книга моего друга Стивена Веллума. Он преподает теологию в Южной баптистской теологической семинарии в Луисвилле. Стив очень одаренный человек, и он дал нам книгу под названием *«Бог Сын Воплощенный»*, часть серии Джона Файнберга «Основы евангельского богословия»; и это сильная книга, очень хорошо написанная с точки зрения Библии, исторического богословия, систематики.

Он даже современен в своем обращении к современному евангельскому учению о практическом кенозисе, против которого Стив выступает категорически. Хорошие люди учат этому, и я бы был в его лагере в этой оппозиции. Они говорят, что у Иисуса есть все его божественные силы, но он никогда их не использует, что, по мнению Стива, является практическим кенозисом, и я бы с ним согласился в этом. Последняя книга, которую я упомянул, просто фантастическая и превосходная, и ее не перечесть.

Я говорю с иронией. Это книга, которую я редактировал совместно. Я просто пытаюсь быть смешным.

Думаю, я не работал, но это нормально. Кристофер Морган и я совместно редактировали книгу о божественности Христа, часть нашей серии теологии и

сообщества, в которой, как и во всех этих книгах, у нас были библеисты, пишущие о разных частях Библии и их свидетельствах о Христе, а затем у нас был исторический теолог, пишущий главу, систематическое богословие и практическое богословие, все разные аспекты, эссе, в одном томе о божественности Христа. Название книги — «Божественность Христа в серии теологии и сообщества».

Я собираюсь поговорить о классификации христологий с помощью Дэвида Уэллса. Мы все еще вводим вопросы здесь. Я хочу, чтобы вы почувствовали, куда мы идем в исторических лекциях, потому что, действительно, основа классификации христологий имеет решающее значение.

Теологии, как правило, делятся на одну или две категории, говорит нам Уэллс. Они либо строятся вокруг разрыва между бытием Бога и сотворенным порядком, либо вокруг их непрерывности. Первая признает отчуждение веры от культуры Просвещения, а вторая минимизирует его.

Это, конечно, классификация, в которой есть некоторые исключения, но в целом это хорошее различие. Теологии, построенные на разрыве, принимают различия между естественным и сверхъестественным и, так или иначе, представляют свою христологию как вторжение божественного в ту область, которая является естественной и сотворенной. Это почти неизменно высокие христологии, которые могут даже использовать старый язык слов-плоти.

Я буду различать слово-плоть и слово-человека по мере развития лекций, которые не дают ни йоты божественности Христа. Их мировоззрение легко вмещает присутствие чудес, и оно подтверждает необходимость божественно инициированного откровения. Теологии, которые подчеркивают непрерывность, утверждают, что сверхъестественное открывается в естественном, и поэтому чудеса, в кавычках, часто приравниваются к работе естественного закона.

Для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть, прекрасный закат или возрождение природы весной являются чудесами, тогда как для тех, у кого нет глаз, чтобы видеть, закаты и весна — это просто закаты и весна. Поскольку человеческая природа рассматривается просто как естественноеместилище божественного и как наполненная божественным, человеческое понимание часто считается средством божественного откровения. Поэтому в библейской герменевтике толкователь часто предполагает независимость от контроля текста в интересах предоставления откровения, которое является современным.

Это откровение, по сути дела, в целом согласуется с действующими нормами в обществе или, по крайней мере, может быть сделано совместимым с ними. Это именно то, чего можно было бы ожидать, поскольку нет метафизического или

ноэтического разрыва между Богом и человеческой природой, сверхъестественным и естественным. Христологии в этой структуре, которая находится в структуре непрерывности между Богом и сотворенным порядком, обычно изображают Иисуса как совершенство существующего религиозного сознания, которое является общим для всех или большинства людей.

Эти христологии обычно попадают в модель «слово-человек», но в которой теряются существенные халкидонские элементы. Это христологии, которые строятся снизу. Они обычно начинаются с того, что можно знать об историческом Иисусе, и божественное мыслится в пределах того, что является человеческим.

Это, конечно, часто приводит к тому, что божественное приравнивается и определяется как необычайное понимание или глубокое моральное сознание. Между человеческим и божественным нет или почти нет существенного и личного союза, но скорее вливание последнего, как видно, имело место в первом, так что внутри человека Иисуса создается атмосфера или аура, так что можно сказать, что Бог пребывал в нем. Теологии, которые артикулируют темы разрыва, почти неизменно являются халкидонскими по своему мировоззрению.

Современный интеллектуальный мир рассматривается как контекст, в котором должна быть утверждена эта христология, но не как тот, из которого эта христология должна заимствовать какую-либо часть своей сути. Главные представители этого подхода будут из традиционного римского католицизма, англокатолицизма, греческого православия, консервативного протестантизма и некоторых частей нео-православия. Мы увидим, что Карл Барт во многом соответствует Халкидону.

Теологии, построенные на преемственности, принимают изменения в рамках Халкидонского учения и рассматривают современный мир как не только контекст, но и источник для своей христологии. Это означает, что степень изменений в Халкидонском православии будет варьироваться в прямой пропорции к степени, в которой современность стала определяющей теологически. Сторонников этого подхода можно найти в старом протестантском либерализме, а также в его нынешнем возрождении у таких людей, как Лэнгдон Джилки, Эдвард Фарли и Гордон Кауфман, в католическом модернизме и в некоторой католической теологии после Второго Ватиканского собора, в мысли о процессе и в некоторых теологиях освобождения.

Эта бифуркация, которая довольно четко установлена и определена в 20 веке между теологиями непрерывности между Богом и сотворенным порядком и прерывности, была в значительной степени сформулирована в 19 веке, хотя она является прямым результатом просвещения в 18 веке. Другой способ говорить об этой важнейшей классификации христологий либо на непрерывность, либо

на прерывность между Богом и сотворенным порядком — это говорить, и это более популярно в жаргоне, и мне нравятся оба способа, — это говорить о христологии сверху и снизу. Христологии сверху начинаются со второго лица Троицы на небесах на всю вечность с Отцом и Святым Духом, верно? Вы со мной? И затем они учат, что Сын сошел, вы начинаете сверху, он воплотился в Иисусе из Назарета, верно? Таков был подход ранней церкви.

Таков был подход реформаторов. Таков был подход пуритан. Таков подход Евангелия от Иоанна, Павла и Послания к Евреям.

Теологии снизу начинаются с человека Иисуса. Хорошо, теперь я различаю начало сверху и начало снизу абсолютно и относительно, потому что Вольфхарт Панненберг, известный немецкий теолог, намеренно начал снизу, возможно, в отличие от Карла Барта, который несколько обесценил историю в понимании Панненберга. Я думаю, он был прав.

Барт выступал против старого либерализма, который был в значительной степени теологией непрерывности между Богом и сотворенным порядком, и он подчеркивал прерывистость. У Гренца и Олсона есть хорошая книга под названием «Богословие 20-го века, Стэнли Гренц и Роджер Олсон», и их тезис, который преувеличен, заключается в том, что одна теология за другой являются реакцией, и они либо подчеркивают трансцендентность, либо неизбежность и обычно переоценивают одно или другое. В этом много правды, хотя, возможно, каждая фигура не вписывается в это аккуратно, но очень многое вписывается.

Старый либерализм, неизбежность, настолько, что блестящие немецкие теологи и известные люди были соблазнены учением Адольфа Гитлера о Третьем Рейхе и немецком национализме как Царстве Божьем. Это поразительно. Девять, сказал Барт, и он и другие подписали Декларацию Бармена, осуждающую Гитлера, отказывающуюся отдавать гитлеровское приветствие в классе и тому подобное.

Для нас непостижимо, что эти великие немцы были соблазнены этим, но они были. Они были. Они были либеральны, и их, несомненно, соблазнила культура, но Барт пытался проповедовать эту либеральную теологию, которой его учили, и, как он сказал, это не сработало, и поэтому он открыл странный мир Библии и проповедовал его, и результаты были великолепны.

Утверждаю ли я, что я бартианец? Нет. Прав ли он во всех отношениях? Нет. Его ученики такие же ортодоксальные, как он сам? Нет.

Православен ли он во всех отношениях? Нет. Является ли он глотком свежего воздуха? Принес ли он новую неоортодоксальность в свое время? Да, как мы

увидим, когда изучим его христологию с цитатами из его собственных трудов. Просто чтобы прояснить ситуацию, проблемы.

Его использование Писания лучше, чем его взгляд на Писание, и, несмотря на его протесты, всем остальным кажется, что его теология ведет к абсолютному универсализму в конце с окончательным торжеством благодати Божьей. Теология сверху, христология сверху. Христология сверху, снизу.

Христология сверху, христология снизу. Если вы начнете абсолютно снизу, вы никогда не достигнете истины, потому что это всего лишь человек Иисус. Однако Панненберг научил нас, что можно начать относительно снизу.

То есть, это может быть вашей отправной точкой в плане полемики или апологетики, вашей презентации для влияния на современных людей. Панненберг считал, что это единственный способ достучаться до людей сегодня, особенно в его европейском контексте, и поэтому он начинает с человека Иисуса, но он недвусмысленно утверждает воскресение Иисуса из мертвых, что доказывает, что конечная отправная точка для него была сверху, но это необычно. Кстати, начинать сверху тоже не без проблем.

Видите ли, вот где возникают проблемы. Это тайна. Лучшее, что может сделать церковь, это сделать утверждения, признающие тайну.

Это так важно. Осуждайте ошибки, и тогда вы получите параметры, верно? Некоторые христологии сверху никогда не достигали всего пути вниз. Как мы увидим, ранняя церковь иногда испытывала трудности с утверждением человечности Иисуса, в некоторых случаях вообще.

Какой другой мир. У нас нет проблем с утверждением человечности всех, включая Иисуса, с утверждением человечности Иисуса в целом или с утверждением того, что человечность Иисуса играет какую-то роль в нашем спасении. Итак, здесь есть ошибки, возможные ошибки, повсюду, но, несомненно, традиционный способ начать сверху является правильным, и сама Библия учит разрыву между Богом и сотворенным порядком.

Хотя Сын Божий в своем воплощении входит в сотворенный порядок, кстати, можно сказать, что Евангелие от Марка начинается снизу, с Иисуса, спешащего туда-сюда, немедленно делающего это, и немедленно делающего то, и немедленно изгоняющего бесов, и учащего, и помогающего, и исцеляющего, и т. д. Хотя, если быть совсем честным, то в самом первом стихе о нем говорится как о Сыне Божьем, что мне кажется намеком на приближение свыше.

Теология противоречий. Большая часть христианской теологии — это теология противоречий. Бог использовал ошибки, чтобы продвигать истину,

подчеркивать важность истины, заставляя церковь говорить «нет», а затем бороться, чтобы говорить «да», насколько это возможно.

Это, безусловно, относится к христологии, и хотя мы рассмотрим эти вещи более подробно позже. Обзор. Нападки на божественность нашего Господа.

Эбионизм был иудейской сектой, вероятно, продолжением иудействующих в Новом Завете, которые отрицали божественность Христа напрочь. Он не Бог. Но гораздо более тонким отрицанием, и христианским, то есть внутри церкви, было арианство, в котором утверждалось, что Иисус был первым, что Сын был первым творением Бога, которого затем Бог использовал для творения.

Итак, он подтверждает определенные божественные действия Сына, и все же он говорит такие вещи, как было время, когда Сына не было, и Сын не имеет той же сущности, что и Отец, что является их способом сказать, что в конечном итоге он равен Отцу. Церковь справедливо осудила не только евионизм, очевидно, но и арианство. Но была борьба, и, как мы увидим, основанная на политических предпочтениях императора Римской империи, арианство терпели в течение столетия после Никейского собора, в котором оно, предположительно, было покончено.

И бедный Афанасий, который был просто бульдогом, держась за божественность Христа, он никогда не отпустит. Пять раз его изгоняли из Александрии. Пять раз, в зависимости от предпочтений императора.

Почему он был непреклонен? Его теология была восточной, ладно, и поэтому его учение о спасении в значительной степени, не полностью, но в значительной степени в терминах обожествления. Но, выражаясь нашими терминами, чтобы спасти нас, Иисус Христос должен был быть Богом. Если он не Бог, он не может нас спасти.

Этот сотериологический аргумент в пользу божественности Христа заставил Афанасия стоять очень твердо, на самом деле. В конечном итоге он победил, но это было спорное богословие, на самом деле — нападки на человечность Христа.

Сначала мы можем не считать их столь же серьезными, как те, что касаются его божественности, но они столь же серьезны. Если его божественность имеет решающее значение, потому что только Бог может спасти нас, его человечность имеет решающее значение, потому что только Богочеловек может спасти нас. Искупление не было совершено Богом на небесах.

Искушение было совершено Богом на земле. Он был полностью Богом и полностью человеком в одном лице. Один из нашего человеческого рода умер вместо нас.

Никогда не был простым человеком, но Богочеловек страдал и умер, чтобы мы могли быть спасены. Он — первенец многих братьев. Он — наш предтеча.

Он — первенец . Докетизм был философией. Это не была группа.

Это не была первая церковь докетистов или что-то в этом роде, и нет парня по имени Доцео или что-то в этом роде. Это греческое слово. Оно означает думать, казаться или появляться, и общим для различных странностей гностицизма был докетизм.

Христос был призраком. В это трудно поверить, не правда ли? Он не был настоящим человеком. Если процитировать один из их лозунгов, он был Богом, который шагал над землей.

Он ходил по земле. Нет, он был Богочеловеком и очень много ходил по земле, был пригвожден к кресту и умер за грешников, подобных нам, и воскрес на третий день. В любом случае, это была еще одна лобовая атака, как и атака эбионитов на божественность Христа.

Докетизм был фронтальным. Гностицизм был очень силен, как мы увидим, и церкви пришлось бороться за свое существование, потому что гностицизм был связан с философскими течениями второго века, в большом времени. У меня была покупка для профессора в одном, который сказал, что если бы вы могли вернуться в капсулу времени второго века, то, вероятно, гностиков было больше, чем христиан.

Страшно. Аполлинарианство — это еще одна атака на человечность Христа, гораздо более тонкая. Оно утверждало, что Бог стал человеком, но оно, я бы сказал, понимало Иоанна 1:14 слишком буквально.

Слово стало плотью. Сын взял человеческое тело, но не человеческую душу. Ой, но подождите минутку.

В греческой психологии у людей было тело, и у них был оживляющий принцип, который давал им жизнь, мысль и направление. В аполлинарианстве слово, логос, заняло место души в человеке Иисусе. Является ли он полностью человеком? Церковь в конечном итоге сказала: нет, нет, это не полное человечество.

И это неправильно. Позже один из отцов-каппадокийцев сказал, что то, что не предполагается, не может быть спасено или исцелено. Это гениально.

Он спас нас телом и душой. Он стал телом и душой. Аполлинарианство учит частичному воплощению.

единоличность нашего Господа . Тот факт, что он одна личность с двумя природами. Опять же, здесь есть тайна в воплощении, и ошибки отваливаются с одной стороны на другую.

Евтихианство , после Евтихия , или монофизитство - это другое название, одна природа. Вот что означает монофизитство . Один натурализм, если хотите.

Это запутанное учение, но оно отрицало различие между двумя натурами в личности Христа, в конечном счете. В конечном счете, у него была только одна натура. Очень запутанно.

Несторианство же разделило Христа на две части. По крайней мере, так казалось оппоненту Нестория, Кириллу. И церковь с ним соглашалась.

И Несторий и несторианство были осуждены. Нет, нет гибридного Христа, Евтихий . Это не Бог и не человек, а что-то другое.

Но, возможно, только божественный, с его человечностью, поглощенной его божеством. Это не так. И он не является двумя личностями.

Нет, он один человек с двумя естествами. Мы не понимаем тайну полностью, но мы провозглашаем ее и мы охраняем ее, осуждая заблуждения. Наконец, нападки на воплощение.

Ошибка, называемая адопционизмом, не имеющая ничего общего с учением Библии об усыновлении, утверждает, что был человек, Иисус, и Бог усыновил его и дал ему Святого Духа без меры. И это так называемое воплощение. Это не воплощение.

Нет человека, Иисуса, помимо воплощения. Не было человечности Христа до его зачатия во чреве Марии. Бог не приходил и не вселялся в человека.

Бог создал человека, если хотите, сверхъестественным образом в утробе Девы. Я хочу быть осторожнее, когда говорю это. Мария была действительно его матерью.

Она внесла свой вклад в человечность Иисуса, что матери вносят в своих детей. Ее ДНК, ее хромосомы были в крови и теле Иисуса.

Кенонизм — еще одна ошибка, нападающая на воплощение. Кенозис — греческое слово, или канао — глагол, используемый в Послании к Филиппийцам, глава 2. Он опустошил себя, и мы рассмотрим это более подробно позже, но идея заключается в том, что Сын Божий обладал всеми божественными атрибутами, но он лишил себя некоторых из них, когда стал человеком. Он опустошил себя аспектов своей божественности. Это ошибочно, и ортодоксалия признала, что он полностью Бог и полностью человек в одном лице, не всегда использующий эти атрибуты, использующий их только по воле Отца, но тем не менее обладающий ими.

На самом деле, все эти вещи сложнее. Я просто хочу дать вам и заставить вещи происходить в сером веществе сейчас, которые позже проявятся в своем историческом контексте, и вы поймете их лучше. Опять же, евангельские христиане сегодня учат практическому кенозису, говоря, что Иисус, они говорят правильно, Иисус творил чудеса Святым Духом.

Это правда. Затем они неправильно говорят, что он творил чудеса только Духом Святым. Это неправда.

Это ересь? Это губительная доктрина? Нет, но это ошибочная доктрина. Я согласен с моим другом Стивеном Виллемом в этом вопросе. На этом мы должны закончить нашу первую лекцию, и я просто введу ее в следующем часе, мы займемся патристической христологией.

Мы изучим, прежде всего, до Никеи, ереси. И вот мы снова с ересями. Иудейские, монархианские и гностические ереси.

Важно понимать их, потому что церковь боролась с ними, и Бог работал над теологией противоречий в сторону истины. Затем ортодоксальность, проследивая Игнатия на его пути к мученичеству. Он говорил хорошие вещи об Иисусе.

Иустин Мученик, один из апологетов. Иринея, Тертуллианского происхождения. Затем великий Никейский собор и арианство, весь этот спор и битва и результаты, 325 Никея.

Развитие между Никеей и Халкидоном, а также ложные пути включают в себя аполлинарианство, несторианство и монофизитство. Вы говорите, так много ересей. Так оно и есть.

Это правда. Затем, великий собор Халкидона 451 года, включая его символы веры и пять основных истин, которые из него вытекают. Спасибо за ваше хорошее внимание.

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 1,
Введение Обзор.